

Эта строфа звучит робко, тоскливо-беззащитно: после уверенной самовозвышенности первой. Логика внутреннего художественного мировосприятия поэта понятна: дерзостная гордость неизбежно ведёт к раздумию, к унынию, и душа «вновь ищет спасения от него в мыслях о посмертной славе»¹³. Следующее затем в тексте стихотворения слово «прах» не оставляет места пустым надеждам и иллюзиям. Контраст настроений и смыслов разрешается радикальной сменой позиции Пушкина к концу стихотворения. Смысл подтекста и полемика с переводчиками-предшественниками становятся очевидными.

Пушкинские слова: *будь послушна, / Обиды не страшась, не требуя венца*, — воспринимаются как ответ, но в нём нет полевой страсти, «они дышат смирением и покоем». Таким образом, **пушкинский пафос оказывается сопряжённым святоотеческой традиции** и выявляется важнейший смысловой акцент произведения: **творчество должно служить божественному замыслу, исполнению Божьей воли, ибо оно в сущности своей — послушание, то есть совестливое служение Красоте Божьего мира, пробуждение доб-**

рых чувств, заложенных Творцом в человека как носителя образа Божия.

Идея совести и совестливого жития, служение жизни и людям как акт совести, одна из основных направляющих творчества Пушкина, одна из существенных сторон его духовного мировосприятия. О ней нужно постоянно напоминать учащейся молодёжи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СОЛОВЬЁВ В.С. Идолы и идеалы // Философская публицистика. — М., 1989. — Т. 1. — С. 325, 610.
- ² УШИНСКИЙ К.Д. О народности и общественном воспитании // Избр. пед. соч.: В 2 т. — М., 1951. — Т. 1. — С. 99.
- ³ Совесть (в первом приближении) — естественное состояние здорового человеческого духа, препятствующее, независимо от страстей, выгод и эгоистических желаний, помыслить или поступить греховно по отношению к Богу, к ближнему, к самому себе, к природе (или Божьему миру), способность человека проявлять чувство внутреннего смущения, самоукорения, самообличения и раскаяния, возникающее при нарушении нравственных устоев, принятых в обществе. Совестьливый чело-

век способен испытывать стыд, то есть острое чувство и сознание сильного внутреннего огорчения, даже потрясения, если унижает или пятнает себя каким-либо дурным намерением или поступком.

- ⁴ Первая молодость воспеваешь любовь, более поздняя — смятение.
- ⁵ ПУШКИН А.С. Письмо П.А.Вяземскому от 14 августа 1826 г. // Полн. собр. соч.: В 10 т. — М., 1958. — Т. 10. — С. 211. («Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души».)
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Святитель ТИХОН ЗАДОНСКИЙ. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского: В 5 т. — М., 1899. — Т. 2. — С. 19; Т. 3. — С. 57.
- ⁸ Там же. — Т. 5. — С. 92.
- ⁹ Разрядка моя. — В.Т.
- ¹⁰ ВАСИЛЬЕВ Б.А. Духовный путь Пушкина. — М., 1994. — С. 209–210.
- ¹¹ БОБЫЛЕВ В.Г. О методологических основах преподавания словесности: Традиции и перспективы анализа художественного текста в школе // Филология и школа. Труды Всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа». — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — Вып. 2. — С. 295.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. — С. 296.

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор Костромского государственного педагогического университета, автор учебников, статей по отечественной литературе
literush@mail.ru

«КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ» А.С.ПУШКИНА

Аннотация. В статье даётся исторический комментарий к стихам Пушкина «Клеветникам России», проясняющий глубокий общенациональный смысл историко-философской позиции поэта и показывающий безосновательность упреков в «официальном патриотизме».

Ключевые слова: патриотизм, народ, история, Россия, Польша, польская шляхта, Александр I, декабристы, Пушкин, Карамзин, польское восстание 1830 года, манифест Николая I, политика Франции, стихи Пушкина, Вяземский, Чаадаев.

Annotation. This article gives a historical commentary on the «To the slanderers of Russia» by Pushkin, clarifies the deep sense of national historiosophical position of the poet and shows the unfounded accusations of «official patriotism».

Key Words: patriotism, people, history, Russia, Poland, the Polish gentry, Alexander I, the Decembrists, Pushkin, Karamzin, the Polish uprising of 1830, the manifesto of Nicholas I, the policy of France, a poem by Pushkin, Vyazemsky, Chaadayev.

В одной из своих статей, посвящённых двадцатипятилетней годовщине Бородинского сражения, В.Г.Белинский писал: «У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты: и о человеке можно безошибочно судить, только смотря по тому, как он действовал и каким он является в эти моменты, когда на весах судьбы лежала его и жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее. Так и у всякого народа — своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и, разумеется, чем выше народ, тем грандиознее царственное достоинство его истории, тем поразительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славою победы»¹.

За тысячу двести лет существования Государства Российского были три попытки трёх народов — монголов, французов и нем-

цев — завоевать и подчинить себе весь остальной мир. И все эти три попытки были остановлены именно в России. Таково, по-видимому, её всемирно-историческое, мессианское (спасительное по отношению к себе и другим народам) призвание.

«Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие, — утверждал А.С.Пушкин. — Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всех помех»².

В этих словах Пушкин «дал формулу, под которую, по словам Н.Н.Скатова, подошло не только русское прошлое, но и русское будущее. Так было в эпоху татаро-монгольского нашествия. Так было в 1812 году. Так бу-

дет в 1914 году. Так будет и в 1941-м. Когда нашим мученичеством будет спасаться Европа, а может быть, и весь мир»³. Именно в таких, не захватнических, а справедливых войнах формировался характер гражданина нашего Отечества. Говоря об истории России начала XVIII века в поэме «Полтава», Пушкин писал:

*Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданной и кровавой
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судьбы удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат»⁴.*

Патриотические стихи «Клеветникам России» Пушкин написал в критических обстоятельствах, связанных с польским восстанием 1830 года:

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор,
уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена:
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях или верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бесмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал
до пламенной Колхиды,

От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов⁵.

Николай Неврев (1830—1904). Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма

Стихи эти получили неоднозначную оценку не только у современников поэта, но и у его потомков. В новейшем издании, адресованном школьникам, Л.Г.Фризман пишет по их поводу следующее: «На протяжении десяти месяцев Польского восстания во французской палате депутатов шли ожесточённые дебаты о политике Франции в русско-польском конфликте. Либеральная часть палаты (Лафайет, Ламарк, Моген, Биньен и др.) требовала вмешательства в военные действия на стороне Польши. Был создан Комитет по оказанию помощи восставшим полякам во главе с Лафайетом. В него вошли Гюго, Беранже, Барбье, Жюльен, Делавинь, Давид. В Австрии за поддержку повстанцев выступал Кошут, в Германии — Берне и Гейне. Это и были те «клеветники России», к которым обращено стихотворение Пушкина. Именно оно привело к разрыву его бывлой дружбы с Мицкевичем.

Позиция, занятая Пушкиным в отношении восставшей Польши и тех западных писателей и политиков, которые хотели ей помочь, и с наибольшей силой и определённо выражена в этом стихотворении, полностью совпала с позицией Николая I. Существует мемуарное свидетельство, что оно было написано «по желанию государя». 5 сентября Пушкин читал его членам императорской фамилии, 7-го было подписано цензурное разрешение, а 14-го брошюра поступила в продажу. Такая быстрота может объясняться только волей царя. С.С.Уваров также был восхищён этими «прекрасными, истинно народными стихами». Но передовое русское общество, по свидетельству А.И.Герцена, «одно время отвернулось» от Пушкина. Он вспоминал о негодовании, которое «некогда не пощадил Пушкина за одно или два стихотворения». Отрицательную оценку «Клеветникам России» дал и Н.А.Добролюбов⁶.

Создаётся впечатление, что Пушкин написал «казачьи» стихи «на случай», содержание которых достойно осуждения. Но так ли это на самом деле? И согласуется ли такая оценка «Клеветникам России» с той, какую даёт им, например, в своей монографии Г.П.Макогоненко, утверждающий, что Пушкин говорит здесь «от имени народа»? «Клеветникам России» отвечает не одинокий поэт, вдохновлённый патриотическим чувством, но поэт, почувствовавший свою кровную связь с народом. <...> Пушкин всё полнее сердцем отгадывал внутреннюю жизнь народа, всё более принимал его идеалы, стремясь изображать и определять явления русского и иноземного мира, глядя на них, по словам Гоголя, глазами народа. Эта особенность художественного метода Пушкина проявлялась в характерах и образах, в стиле и торжествующей истине⁷.

Чтобы понять «торжествующую истину» в стихах «Клеветникам России», нужно вспомнить драматическую историю отношений между Россией и Польшей.

В XIV—XVI веках, когда Россия освободилась от 300-летнего монголо-татарского ига и вела войны за свою национальную незави-

симость, Польское королевство значительно расширило свои границы за счёт древних русских, украинских и белорусских земель, проводя в них политику социального и религиозного угнетения. В XVI—XVII веках Польша значительно превосходила Россию и по численности населения, и по военной силе. Она вынашивала планы дальнейшего расширения своих границ вплоть до присоединения к себе всей «Московии».

В Смутное время начала XVII века эта мечта польских магнатов, казалось, была близка к осуществлению. Москва оказалась тогда в руках польского ставленника Григория Отрепьева, а потом королевича Владислава. И только народное ополчение во главе с Мининым и Пожарским вернуло России её государственную и национальную независимость.

После этих событий Русь крепла в тяжелейших исторических испытаниях, а Польша, раздираемая внутренними противоречиями, с каждым годом слабела, но всё ещё продолжала участвовать в общеевропейских войнах за раздел и передел границ. В результате этих войн произошло три раздела самой Польши между Пруссией, Австрией и Россией. Польша перестала существовать как самостоятельное государство.

Земли, отошедшие к Пруссии и Австрии, были онемечены жёсткой рукой. И только Россия сохранила её автономию в виде Царства Польского. Поэтому в шляхетских кругах этого Царства ещё сохранялся гордый национальный дух, но одновременно и вынашивалась мечта о великой Польше «от моря и до моря»: от Балтийского моря на севере — до Чёрного моря на юге и Днепра на востоке, с включением в состав Польши Чернигова и Киева.

«Речь Посполитая веками выступала на востоке Европы авангардом католической экспансии на православный мир, — отмечает современный белорусский историк. — Это было не просто противоборство государств, это было противоборство цивилизаций. Теряя на Западе под немецким натиском свои исконные этнические земли, польская правящая элита упорно рвалась на Восток. Потерпев поражение в этом противостоянии, она мстительно накапливала список исторических обид, счетов и претензий к России, включая в него даже проявления русского великодушия, воспринимаемого не иначе как унижение, и легко забывая собственные прегрешения перед Россией, да и вообще перед православным восточным славянством. Польские националисты всегда переносили вражду на национально-племенную, даже расовую почву, обвиняя во всех прегрешениях, и подлинных и мнимых, не правящие режимы России, а русских как таковых. Даже в самом славянстве пытались отказать великой славянской державе — единственному гаранту сохранения славянства в этом мире. Знаменитый лозунг «за нашу и вашу свободу» разделяла лишь горстка крайне левых польских революционеров. Исключение, как всегда, лишь подтверждает правило... Массе польской шляхты всегда было присуще спесивое чувство превосход-

Павел Чистяков (1832—1919).

Патриарх Гермоген отказывает полякам подписать грамоту

ства по отношению к православным, которые третировались как представители «низшей примитивной цивилизации»⁸.

Наполеон, подчинив себе всю Европу и вступая в пределы России, обещал польской шляхте осуществить её исторические притязания. В составе наполеоновской армии Россия в лице поляков получила очень агрессивного и грозного противника, что, разумеется, обострило давний «спор славян между собою, домашний, старый спор».

Тем не менее, после поражения агрессии «двунадесяти языков» на Россию, Александр I не только простил полякам их участие в этом нашествии, но и, оставив Царство Польское в довоенных границах, даровал ему конституцию. А затем он попал под влияние своего друга, известного польского политика Адама Чарторыйского и стал вынашивать сумасбродные планы.

В 1817 году московские члены Союза спасения получили из Петербурга письмо С.П.Трубецкого. Речь в нём шла о секретном разговоре Александра I с князем П.П.Лопухиным. Государь сообщил ему о намерении восстановить Польшу под своим владычеством в границах 1772 года и лишить Россию

Правобережной Украины и Белоруссии, которые декабристы рассматривали как исконно русские земли.

На специальном собрании членов тайного общества в Москве читали и обсуждали письмо Трубецкого. В письме говорилось, что император считает Польшу более образованной и европейской страной и любит только её, а Россию ненавидит. Поэтому он решил отторгнуть русские земли и присоединить их к Польше. Наконец, презирая Россию, государь высказал намерение перенести её столицу в Варшаву. Всё это убеждало декабристов, что зло, гнетущее и разоряющее страну, заключено в Александре.

«Меня проникла дрожь, — вспоминал И.Д.Якушкин об этом собрании; — я ходил по комнате и спросил у присутствующих, точно ли они верят всему сказанному в письме Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора; все стали меня уверять, что то и другое несомненно. В таком случае, сказала я, Тайному обществу тут нечего делать, и теперь каждый из нас должен действовать по собственной совести и собственному убеждению. На минуту все замолчали. На-

конец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решил без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести»⁹.

В это время государь со свитой отправлялся в Москву на празднование пятилетия со дня Бородинской битвы. Осуществлялась закладка будущего храма Христа Спасителя, открывался памятник Минину и Пожарскому. У Якушкина созрел такой план действий: «Я решил по прибытии императора Александра отправиться с двумя пистолетами к Успенскому собору и, когда царь пойдёт во дворец, из одного пистолета выстрелить в него, из другого — в себя. В таком поступке я видел не убийство, а только поединок на смерть обоих»¹⁰.

В тайны заговора был посвящён П.А.Катенин. В 1818 году он опубликовал вольный перевод отрывка из трагедии П.Корнеля «Цинна» под названием «Рассказ Цинны», в который включил от себя речь о казни тирана-императора:

*«Друзья! — сказал я им, — настал нам день
блаженный,
Наш замысел довершить великий и священный;
К спасенью Рима Бог нас силою облек,
И счастью всех претит единый человек...
.....
Искать ли случая? Но завтра он готов:
Он в Капитолии чтит жертвами богов,
И сам падёт, от нас на жертву принесенный
Пред Вечным Судией спасению вселенной.
Кто охранит его? Там наши все друзья;
Сосуд и фимиам ему вручаю я.
Да будет знаком вам, когда я сей рукою
Не фимиам — кинжал глазам его открою...»¹¹*

В курсе этих событий был и юный Пушкин. В набросках к десятой главе «Евгения Онегина» он писал:

*Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал»¹².*

Пушкин имеет здесь в виду свой ноэль под названием «Сказки», написанный в декабре 1818 года, когда Александр I вернулся в Россию после открытия заседаний Польского сейма и Ахенского конгресса, на котором присутствовали австрийский император и прусский король:

*Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.*

*Мария в хлопотах Спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:*

*«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.*

*О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не замучен...»¹³.*

Тогда впервые в тайном обществе декабристов прозвучала мысль о цареубийстве, но она тут же и отрезвила большинство вольнодумцев. Якушкин вспоминал: «На другой день... вечером собрались у Фонвизина те же лица, которые вчера были у Александра Муравьева; начались толки, но совершенно в противном смысле вчерашним толкам. Уверяли меня, что всё сказанное в письме Трубецкого может быть и неправда, что смерть императора Александра в настоящую минуту не может быть ни на какую пользу для государства и что, наконец, своим упорством я гублю не только всех их, но и Тайное общество при самом его начале, которое со временем могло бы принести столько пользы для России. Все эти толки и переговоры длились почти целый вечер; наконец, я дал им обещание не приступать к исполнению моего намерения и сказал им, что если всё то, чему они так решительно верили вчера, не более как вздор, то вчера они своим легкомыслием увлекли было меня к совершению самого великого преступления; но что если в самом деле ничто не может быть счастливее для России, как прекращение царствования императора Александра, то сегодня своей нерешительностью и своими требованиями они отнимают у меня возможность совершить самое прекрасное дело, и в заключение объявил, что я более не принадлежу к их Тайному обществу»¹⁴.

В 1819 году государь в одной из искренних бесед с Карамзиным сообщил, что решил, наконец, восстановить Польшу в её древних границах. «Александр мотивировал своё решение необходимостью следовать христианским заповедям любви, всепрощения, самопожертвования. Карамзин пытался возражать императору, но тот не слышал возражений, упоённый собственной добротой, комплиментами иностранных государственных деятелей, славой освободителя.

Описывая национальный характер англичанина, Карамзин отмечал, что тот в чужих землях гораздо щедрее на благодеяния, нежели в своей. Но, видимо, эта черта не столько национальная, сколько присущая определённому психологическому типу человека. Есть люди, которые самоотверженно и охотно благодетельствуют чужим, незнакомым, в то время как ближние, семья остаются в забросе. Природа такой доброты — тщеславие, цель — получить публичную благодарность и похвалу. А забота о семье сла-

вы благодетеля не принесёт. Александр был тщеславен; поскольку его семья, его дом было государство, Россия, то он искал удовлетворения своему тщеславию вне её, и этоставляло его заниматься делами Европы в ущерб российским. Карамзин, понимая, что в беседе император слышит только себя, решил свои возражения представить ему в письменном виде»¹⁵.

Такую же точку зрения на слабости императора Александра высказал и Пушкин в набросках к десятой главе «Евгения Онегина»:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда»¹⁶.*

Будучи в 1819 году другом дома Карамзиных, Пушкин, конечно, знал о содержании этой «Записки». «Начинает Карамзин с выяснения общего: отношения религиозного чувства и гражданского устройства общества: «Государь! в волнении души моей, любящей Отечество и Вас, спешу, после нашего разговора, излить на бумагу некоторые мысли, не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке. Как мы говорим с Богом и совестию, хочу говорить с Вами.

Вы думаете восстановить Польшу в её целостности, действуя как христианин, благодворя врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и мира; выше всех законов физических, гражданских, государственных, — но их не отменяет. Солнце течёт и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-Спасителя: так и гражданские общества не переменяли своих коренных уставов; всё осталось, как было на земле и как иначе быть не может: только возвысилась душа в её сокровенностях, утвердилась в невидимых связях с Божеством, с своим вечным, истинным Отечеством, которое вне материи, вне пространства и времени. Мы сблизились с Небом в чувствах, но действительна на земле, как и прежде действовали. Несмысл мира сего, сказал Христос; а граждане и государства в сем мире. Христос велит любить врагов: любовь есть чувство; но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять государства. Вы христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России, как греки-язычники истребляли персов на полях Эллады; Вы исполняли закон государственный, который не принадлежит к религии, но также дан Богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ. Как христианин любите своих личных врагов; но Бог дал Вам Царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оно. Как человек по чувствам души, озарённой светом христианства, Вы можете быть выше Марка Аврелия, но как Царь Вы то же, что он. Евангелие молчит о политике; не даёт новой: или мы, захотев быть

христианами-политиками, впадаем в противоречия и несообразности. Меня ударят в ланиту: я как христианин должен подставить другую. Неприятель сожжёт наш город; впустим ли его мирно в другой, чтобы он также обратил его в пепел? Как мог язычник Марк Аврелий, так может и христианин Александр благотворить врагам государственным, уже *побеждённым*, следуя закону человеколюбия, известного и добродетельным язычникам, но единственно в таком случае, когда сие благотворение не вредно для Отечества».

Далее Карамзин указывает причины, почему *невозможно* восстановить Польшу в древних границах, которые изменялись в течение веков:

«Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское, но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости? Можете ли с мирной совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волинию, Подолию, утверждённую собственностью России ещё до Вашего царствования? Сии земли уже были *Россиею*, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали *великою*. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы ещё незаконнее, если бы вздумали загладить её несправедливость разделом самой России. ...Старых крепостей нет в политике: иначе мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское царства, Новгородскую республику, Великое княжество рязанское и так далее. К тому же и *по старым крепостям* Белоруссия, Волиния, Подолия, вместе с Галициею, были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или всё, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеон мог завоевать Россию, но Вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижинки русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездумной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять её на части и дарить ими, кого заблагорассудится? Россия, Государь, безмолвна перед Вами, но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела некогда историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного Отечества, доброй сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Вам поляки, извиняем их, но Вам бы мы, русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплескания ввергнули нас в отчаяние.

Государь, отвечаю Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу русских и знаю их. Мы лишились бы не только прекрасных областей,

М.И.Стотти. Минин и Пожарский. 1850

но и любви к царю, остыли бы душой к Отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола, ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом унизились бы перед другими и перед собой. Не опустел бы, конечно, дворец, Вы и тогда имели бы министров, генералов, но они служили бы не Отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наёмники, как истинные рабы...».

Карамзин предсказывал, что после присоединения к Польше российских областей поляки начнут борьбу за полное отделение от России: «Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом её будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века, и если не бессмертны телом, то бессмертны славою! В делах государственных чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Волинь желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской. Чей голос должен быть слышнее для Вашего сердца? Они, в случае войны, впрочем, ни мало не вероятной (ибо кому теперь восстать на Россию?), могут изменить нам: тогда накажем измену силою и правом: право всегда имеет особенную силу, а бунт, как беззаконие, отнимает её. Поляки, законом утверждённые в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее поляков-россиян.

Государь! Бог дал Вам такую славу и такую державу, что Вам без неблагодарности, без греха христианского и без тщеславия, осуждаемого самою человеческою политикою, нельзя хотеть ничего более, кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России. Первый бескорыстным, великодушным посредничеством, второе хорошими законами, а ещё лучше управою. Вы приобрели уже имя великого: приобретите имя отца нашего! Пусть существует и даже благоустраивает Королевство Польское, как оно есть, но да

существует и Россия, как она есть и как оставлена Вам Екатериною!.. Екатерина любила Вас нежно, любила и наше Отечество. Её тень здесь присутствует... умоляю»¹⁷.

В заключение горячего спора с Александром I по поводу его политики Карамзин сказал: «Ваше Величество, я не боюсь ничего, мы оба равны перед Богом. То, что я сказал Вам, я сказал бы Вашему отцу... Я презираю скороспелых либералистов; я люблю лишь ту свободу, которой не отнимет у меня никакой тиран... Я не нуждаюсь более в Ваших милостях».

Резкое суждение Карамзина возымело своё действие: Александр I отказался от своих планов. Но его «либеральные» замыслы свою деструктивную роль сыграли: они ещё более подогрели в среде польской шляхты горделивую историческую мечту.

И вот, после смерти Александра I, 17 ноября 1830 года началось предсказанное Карамзиным польское восстание. Депутация от восставших поляков выставила перед Николаем I ультиматум — возрождение Великой Польши «от моря и до моря» с присоединением Карпат с Чёрным морем на юге и Днепра с Киевом на востоке. Николай I отклонил это требование. Собрав во дворце Инженерного замка гвардейские части, он сообщил, что в Варшаве восстание, а в ответ на негодование возгласы (в 1830-х годах память о поляках, которые с армией Наполеона шли против России, была ещё свежа) Николай I сказал: «Прошу вас, господа, поляков не ненавидеть. Они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божьей помощью всё кончится к лучшему»¹⁸.

12 декабря 1830 года был обнародован царский манифест, в котором государь заявлял: «С прискорбием отца, но со спокойной твёрдостью царя, исполняющего долг свой, мы извлекаем меч за честь и целостность державы нашей». И далее в манифесте говорилось, что русские должны проявить по отношению к полякам «правосудие без мщения, непоколебимость в борьбе за честь и пользу государства без ненависти к ослеплённым противникам»¹⁹. Так в Царство Польское для подавления восстания были введены рус-

ские войска. Военные действия, затянувшись на десять месяцев, складывались сначала не в пользу России.

В это время во французской палате депутатов начались ожесточённые прения о политике Франции в русско-польском конфликте. Был создан Комитет по оказанию помощи восставшим полякам. В некоторых французских кругах подогревались реваншистские настроения. Поддержку восставшим полякам были готовы оказать Австрия и Германия. Над Россией нависла угроза нового военного нашествия.

Пушкин, разделявший позицию Карамзина в польском вопросе, переживал эти события как личное испытание. В письме к дочери М.И.Кутузова Е.М.Хитрово от 9 декабря 1830 года он сообщал: «Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т. д. ...Известны ли вам бичующие слова фельд-маршала, вашего батюшки? При его вступлении в Вильну поляки бросились к его ногам. Встаньте, сказал он им, помните, что вы русские. Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их, начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно-мрачным. Вспомните их поэта Мицкевича. — Всё это очень печалит меня. Россия нуждается в покое. Я только что проехал по ней. <...> Народ подавлен и раздражён. 1830-й год — печальный год для нас! Будем надеяться — всегда хорошо питать надежду»²⁰.

Вспомнили, что граф Комаровский встретил тогда Пушкина на улице и спросил, почему у него такой расстроенный вид. «Разве Вы не понимаете, что теперь время чуть ли не такое же грозное, как в 1812 году?» — ответил поэт. Он давно был убеждён, что «Европа, в отношении России, столь же невежественна, как и неблагодарна»²¹.

В письме П.А.Вяземскому от 1 июня 1831 года Пушкин сказал: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря: мы не можем судить её по впечатлениям европейским, каков бы ни был впрочем наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств. Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила невмешательства, т. е. избегать в чужом пиру похмелия; но народы так и рвутся, так и лаят. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастье ещё, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передражку! А то был бы долг платежом красен»²².

«Тут уже весь ход мыслей, который через несколько месяцев ляжет в основу «Клеветникам России», — замечает А.Тыркова-Виль-

ямс. — Слово «интервенция» не раз возвращается в его письмах, и не случайно. Пушкин больше всего боялся интервенции, вмешательства иностранцев в войну, которую он считал русской внутренней войной. Западные либералы смотрели на польское восстание как на событие международное, видели в польских повстанцах авангард борцов за право и свободу»²³.

Пушкин прекрасно это чувствовал и потому оставался в тревоге. Русские войска в Польше испытывают трудности. В России холерные бунты, которые на Западе злорадно объясняют нарастающим у нас народным недовольством. 3 августа 1831 года он пишет П.А.Вяземскому: «Плохо, Ваше сиятельство. Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы. Кажется, дело польское кончается; я всё ещё боюсь: генеральная баталия, как говорил Пётр I, дело zelo опасное. Если мы и осадим Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в её дело. Впрочем, Франция одна не сунется; Англии не для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся»²⁴.

В случае европейского вмешательства Пушкин даже готов идти в ополчение. 14 августа 1831 года он пишет П.А.Вяземскому: «...Наши дела польские идут, слава Богу: Варшава окружена, Крженецкий сменён нетерпеливыми патриотами. Дембинский, невзначай явившийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Крженецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно они хотят сражения; следственно они будут разбиты, следственно интервенция Франции опоздает... Если заварится общая Европейская война, то, право, буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возьму в торока»²⁵.

«С не меньшей горячностью на другом конце России переживал эти события старый приятель Пушкина, разжалованный в солдаты декабрист Александр Бестужев. Из Дербента он писал матери: «Третьего дня получил Тифлиссские газеты и был чрезвычайно огорчён и раздосадован известием об измене Варшавской. Как жаль, что мне не придётся променять пень с панями добродетелями... Одно только замечу, что поляки никогда не будут искренними друзьями русских... Как волка ни корми...»²⁶.

«Клеветникам России» Пушкин написал 16 августа 1831 года, за несколько дней до взятия русскими войсками Варшавы, которое совершилось в годовщину Бородинского сражения 26 августа. Стихотворение это увидело свет в брошюре «На взятие Варшавы», в которой Пушкин поместил ещё одно, связанное с этими событиями, — «Бородинская годовщина».

Называя внутреннюю войну с Польшей «домашним старым спором», Пушкин надеялся на возможность восстановления братского союза славян между собою. Дружба с Адамом Мицкевичем убеждала Пушкина в том, что такой союз возможен. Однако опубликованные стихи привели к непримиримому разрыву. Мицкевич их Пушкину не простил.

Скептически отнёсся к иллюзиям Пушкина на этот счёт и его русский друг П.А.Вяземский, записавший в своём дневнике: «Что было причиной всей передражки? Одна, мы не сумели заставить поляков полюбить нашу власть... При первой войне, при первом движении в России Польша восстанет на нас или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даём мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты... Какая выгода России быть внутренней стражей Польши? Гораздо лучше при случае иметь её явным врагом»²⁷.

22 сентября 1831 года, по следам первого знакомства со стихотворением Пушкина, ярый западник П.А.Вяземский заметил в злой досаде: «Пушкин в стихах своих: «Клеветникам России» кажется им шил из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на вопросы, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что *возрождающейся Европе* любить нас? Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения? Мы тормоз в движениях народов к постепенному усовершенствованию, нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем на ней. *Народные витии*, если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его, могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим, или, лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как вы, не стыдно писать и печатать стихи, подобные вашим.

Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: «От Перми до Тавриды» и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врастяжку, что у нас от *мысли до мысли* пять тысяч вёрст, что физическая Россия — Федора, а нравственная — дура. Велик и Аникин, да он в банке.

Вы грозны на словах, попробуйте на деле.

А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть. Зачем же говорить нелепости, и ещё против совести, и более всего без пользы? Хорошо иногда в журнале политическом *взбивать слова*, чтобы заметать глаза *леною*, но у нас, где нет политики, из чего пустословить, кривословить?»²⁸.

Прошло чуть более двадцати лет, и Вяземскому, в связи с начавшейся в 1854 году Крымской войной, суждено было убедиться в правоте друга и «пережить такую же вспышку патриотического негодования, какую переживал Пушкин, когда писал эти стихи. Своё негодование Вяземский тоже передал в стихах, но далеко не таких заразных, как пушкинские. Вяземский взял назад сорвавшиеся у него сгоряча слова, что Пушкин говорит нелепости против совести. После смерти поэта он писал А.Я.Булгакову: «Стихи Пушкина о польском мятеже не торжественная ода на случай: они изливание чувств задушевных и убеждений глубоко вкоренённых»²⁹.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, но «глубокую вкоренённость» этих пушкинских стихов почувствовал сразу же после их прочтения не Вяземский, а П.Я.Чаадаев. 18 сентября 1831 года, обращаясь к Пушкину, Чаадаев писал: «Я только что прочёл ваши два стихотворения. Друг мой, никогда ещё вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали своё призвание. Не могу достаточно выразить своё удовлетворение. ...Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нём больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране. ...Не всё здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят, — а мы пойдём вперёд...»³⁰.

Не пора ли и нам, «идя вперёд», не забывать историософские уроки Пушкина?..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ БЕЛИНСКИЙ В.Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1977. — Т. 2. — С. 139. Курсив мой. — Ю.Л.

² ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. — М., 1949. — Т. 16. — С. 392.

³ СКАТОВ Н.Н. Собр. соч.: В 4 т. — СПб., 2001. — Т. 1. — С. 644—645.

⁴ ПУШКИН А.С. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1963. — Т. 4. — С. 259.

⁵ Там же. — Т. 3. — С. 222—223.

⁶ А.С.Пушкин: Школьный энциклопедический словарь. — М., 1999. — С. 87.

⁷ МАКОГОНЕНКО Г.П. Творчество А.С.Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). — Л., 1974. — С. 307, 308.

⁸ ТРЕЩЕНОК Я.И. Михаил Осипович Коялович и его время // М.О.Коялович. История русского самосознания. По историческим памятникам и научным сочинениям. — Минск, 1997. — С. 677.

⁹ ЯКУШКИН И.Д. Записки, статьи, письма. — М., 1951. — С. 17.

¹⁰ Там же. — С. 18.

¹¹ КАТЕНИН П.А. Избр. произв. — 2-е изд. — М.; Л., 1965. — С. 623, 625. — (Большая серия б-ки поэта.)

¹² ПУШКИН А.С. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1964. — Т. 5. — С. 212.

¹³ Там же. — Т. 1. — С. 342.

¹⁴ ЯКУШКИН И.Д. Указ. соч. — С. 18.

¹⁵ МУРАВЬЁВ Владимир. Николай Карамзин. — М., 2005. — С. 554.

¹⁶ ПУШКИН А.С. Собр. соч.: В 10 т. — Т. 5. — С. 209.

¹⁷ См.: МУРАВЬЁВ Владимир. Николай Карамзин. — С. 555—560. См. также: ШАМ-

ШУРИН В.А. Бессмертие. Страницы жизни // Российские судьбы. Жизнеописание, факты и гипотезы, портреты и документы: В 30 кн. Николай Карамзин. — М., 1998. — С. 169—171.

¹⁸ Цит. по: ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС Ариадна. Жизнь Пушкина: В 2 т. — М., 1999. — Т. 2. — С. 322. — (ЖЗЛ.)

¹⁹ Там же. — С. 323.

²⁰ ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. — М., 1941. — Т. 14. — С. 421—422.

²¹ ПУШКИН А.С. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1964. — Т. 7. — С. 306.

²² ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. — Т. 14. — С. 169. Под «французской передрагой» Пушкин имеет в виду революцию 1830 года.

²³ ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС Ариадна. Указ. соч. — Т. 2. — С. 324.

²⁴ ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. — Т. 14. — С. 205.

²⁵ Там же. — С. 208.

²⁶ ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС Ариадна. Указ. соч. — Т. 2. — С. 325.

²⁷ Там же. — С. 327.

²⁸ А.С.Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. — М., 1985. — Т. 1. — С. 149—150.

²⁹ ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС Ариадна. Указ. соч. — Т. 2. — С. 327—328.

³⁰ ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. — Т. 14. — С. 205.

ПОДАРЦЕВ Евгений Владимирович —

кандидат филологических наук, преподаватель Московского педагогического государственного университета
litersv@mail.ru

РУССКАЯ УСАДЬБА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЬВА ТОЛСТОГО*

Аннотация. Образцы усадебной жизни нашли широкое отражение в произведениях русской классики. Через описание усадебной жизни в произведениях Л.Толстого прослеживается идейно-тематическая эволюция его творчества. В статье даётся материал для проектно-исследовательской деятельности в классах с углублённым изучением литературы.

Ключевые слова: усадебная культура, Л.Толстой, образ русской усадьбы, эволюция творчества.

Annotation. Images of the manor life found wide reflection in the Russian classics. In the manor life description in the L.Tolstoy novels one can see the ideological and thematic evolution of writer's work. The article presents the material for the design and research activities in the classroom with in-depth study of literature.

Key Words: manor culture, Tolstoy, the image of Russian estate, the evolution of creativity.

В истории литературы неразделимы имя Льва Николаевича Толстого и Ясная Поляна — название усадьбы, где родился великий писатель, где прошла большая часть его жизни, были написаны его лучшие произведения, в том числе основные в его творческом наследии романы «Война и мир» и «Анна Каренина». Без Ясной Поляны не могло бы сложиться ни одно реалистическое описание сцен усадебной жизни в этих романах.

Русская усадьба — одно из ярчайших явлений отечественной культуры, отложившее

свой отпечаток на все её сферы. Это административный, социальный, хозяйственный, экономический, архитектурный и культурный центр, где развивалась, главным образом, дворянская культура. В свою очередь, мир усадьбы тесно связан с окружающим его деревенским миром. Близость и сосуществование этих миров стали одной из основных тем произведений русской литературы.

Исследователи прослеживают историю русской усадьбы с XIV века, особенно выделяя при этом период XVIII — первой половины XIX века, когда усадьбы находились в со-

стоянии наибольшего расцвета. На протяжении XIX века выделяются два этапа в развитии и эволюции усадебной жизни, формально разделённые реформой 1861 года, повлёкшей кардинальные изменения дворянской и крестьянского укладов жизни.

Основные черты и формы усадебной жизни, отразившиеся в русской художественной литературе XIX века, сложились на протяжении XVIII столетия. Усадьба, в течение веков переходя от одного поколения к другому, постепенно становилась средоточием родовой памяти, так как была местом,

* Для современных школьников часто представляет определённую проблему понимание русской классики. В этой связи особое значение приобретает углублённое изучение русской литературы и культуры. Этому способствует проектно-исследовательская деятельность в классах с углублённым изучением литературы. Одним из вариантов проектно-исследовательской деятельности может служить курс «Мир русской усадьбы в произведениях писателей XIX века».

Изучение данного курса способствует и формированию у школьников нравственных, духовных и эстетических ценностей, развитию эстетического вкуса, общей культуры. Подобные курсы ценны также тем, что широко развивают межпредметные связи, требуя обращения к истории, русскому и иностранному языкам, музыкальной и художественной культуре. Предлагаемая статья даёт материал для одного из аспектов данного курса, анализируя, как усадебная жизнь отразилась в художественных образах произведений Льва Толстого.